

Кристоффер Хольст

Шведское
солнце
и
пармезан

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
Х75

Christoffer Holst
SOLSKEN OCH PARMESAN

Copyright © Christoffer Holst 2019

Перевод со шведского *Евгении Савиной*

Художественное оформление *Катерины Киланянци*

Хольст, Кристоффер.

X75 Шведское солнце и пармезан / Кристоффер Хольст ; [перевод со шведского Е. Савиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-155801-7

Хильда работает поваром в детском саду, но готовить ей хочется в солнечной Италии, поэтому она записывается на недельный курс кулинарии в Тоскане. Однако в аэропорту поездка отменяется, и всем участникам приходится соглашаться на план «В».

Расмуса это не устраивает. Бывший певец, который сейчас проводит все время на диване сестры, согласился на поездку только ради нее. Курсы в шведском прибрежном городке в его планы не входили.

Хильда и Расмус очень разные, но как только под летним шведским солнцем разливается прохладное белое вино и появляется пармезан, эмоции берут свое.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

© Савина Е., перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-155801-7

ВРуслагене¹, у самого моря, что простирается до Аландских островов, есть симпатичный городок, который называется Орегрунд. Он и в самом деле не слишком велик и тем не менее здесь круглый год живут люди. Ежятся под дующими с моря ветрами в зимнее время, а летом нежатся на солнышке на террасах и за столиками кафе. Здесь есть небольшой продуктовый магазин, несколько лавочек с изделиями народного промысла, множество ресторанчиков (почти в каждом из которых подают копченых креветок) и красивая деревянная вилла, где летом играют свадьбы влюбленные пары.

Может, это и не Тоскана, а всего лишь Орегрунд.
Но порой и этого достаточно.

---

¹ Название прибрежных районов провинции Уппланд в Швеции, а также северной части Стокгольмского архипелага. (Здесь и далее прим. переводчика.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Чтобы не стать уличным фонарем

Глава 1

Расмус

Они договорились встретиться в Гамла Стане¹, в крохотном уютном бистро «Пастис», где самый дешевый бокал шабли стоит как годовой взнос за медицинскую страховку в Гамбии.

Было время, когда Расмус не обращал внимания на завышенные цены в ресторанах. Теперь же все иначе. Годы действительно берут свое.

И, как человек в годах, он первым является на встречу. Садится у окна и старается как можно незаметней утереть лежащей на столике льняной салфеткой пот с верхней губы. Подходит официант, говорящий с французским акцентом (непонятно: настоящий он у него или это так, чисто для антуража), и осведомляется у Расмуса, не желает ли тот чего-нибудь выпить.

- Только пиво, спасибо.
- Какое пиво предпочитать месье?
- Э... холодное?
- У нас имеется темное, светлое, лагерное...

---

¹ Старый город (*шв.* Gamla Stan) — исторический центр Стокгольма.

— Лагерное будет в самый раз.

Официант исчезает и звенит бутылками неподалеку. Расмус старается дышать спокойно, но это не так-то просто. Всего несколько минут спустя появляется женщина и садится за столик напротив него.

Женщина, которую он никогда раньше не видел. Сразу мелькает мысль, что они влюбятся друг в друга. Быть может, даже станут парой. Съедутся и станут жить вместе. Со временем заведут детишек. Во всяком случае, именно об этом мечтает сестра Расмуса. Потому что это она их здесь свела.

«Но о чем мы станем с ней говорить? — думает Расмус. — Что я могу ей рассказать? Кто я вообще такой?» Хоть самую малость, но Расмусу внезапно захотелось стать Карлсоном, который живет на крыше. Ну, пусть не один в один. Все-таки Карлсон был своеобразный малый. Из тех типчиков, при взгляде на которых руки так и чешутся позвонить в полицию. И все же Расмусу по душе его слова: «Я мужчина в самом расцвете сил!»

Расмусу — сорок один. Но порой он чувствует себя так, словно прожил на свете все сто.

Он едва успевает пригубить свой бокал.

И вот она уже здесь, стоит у входа.

Расмус давится пивом.

«О боже, что мне делать», — в панике думает он.

ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, МНЕ ДЕЛАТЬ...

— Расмус?

Он кивает, и его сердце пропускает удар. Она красивая. Не просто хорошенькая, а очень красивая. Киношная красота. Джулия Робертс после часового душа. Расмус чувствует себя инопланетянином.

Но звонок другу его теперь не спасет. Слишком поздно.

Он поднимается и протягивает руку. Она пожимает ее и ослепительно улыбается.

— Здравствуйте, Патриция, — произносит он. — Очень... приятно познакомиться.

— Взаимно!

Они садятся за столик. Точнее, это Расмус садится, а Патриция, чуть покачнувшись, неловко плюхается на стул. И с шумом втягивает носом воздух.

— О Йезус, я так волнуюсь, — произносит она, и только тут Расмус обращает внимание на ее вермландское произношение.

— Ничего страшного, я тоже. Все-таки ситуация несколько необычная.

— ХА-ХА!

Ее смех оказывается столь громким, что Расмус хватается за стул, чтобы не подпрыгнуть от неожиданности.

— Да, — соглашается она. — В самом деле. Очень необычная. Но я доверяю Карине.

— Я тоже. Все-таки она моя сестра.

— ХА-ХА-ХА!

Расмусу снова приходится ухватиться за стул.

— Извините, — смущается Патриция. — Я слишком громко смеюсь, когда нервничаю. Прошу прощения.

Тут Расмус обращает внимание, что у женщины слегка заплетается язык. Она что, пьяна? Но прежде чем они успевают еще что-то сказать, появляется тот самый французский официант и приносит вечернее меню. Расмус чувствует, что потеет, но надеется,

что на его белой рубашке это будет не слишком заметно.

Патриция заказывает джин с тоником. После чего низко наклоняется над столиком, так что ее большая грудь ложится на льняную салфетку.

— Сказать по правде, я уже пропустила сегодня вечером рюмочку-другую. Ничего, если мы с самого начала будем честны друг с другом?

— Конечно. А меня разыскивает Интерпол.

— Чего?

Патриция разевает рот. Расмус нервно усмехается.

— Я пошутил. Прошу прощения. Честность прежде всего. Это была просто шутка.

— В самом деле? ХА-ХА-ХА!

Он снова вцепляется в стул.

— А ты веселый. Впрочем, Карина тоже, так что ничего удивительного. Сколько тебе лет, Кристиан?

— Расмус.

— О боже. *Прости*, пожалуйста. Сама не знаю, почему у меня вырвалось «Кристиан». А впрочем, знаю. Так звали моего бывшего. Я сравнительно недавно развелась. Всего полгода прошло.

— Ой. Сочувствую.

— Спасибо. Последние месяцы... они... в общем, буду с тобой откровенна. Это был чистый ад. О боже, бывали дни, когда я смотрела на банку с таблетками и думала... О, большое спасибо!

Патриция забирает свой джин с тоником у официанта, который выглядит малость встревоженным. Он спрашивает, что они будут есть, и Расмус заказывает гамбургер, а Патриция — бифштекс «тартар». Расмусу

страстно хочется попросить официанта остаться и составить им компанию. Ему не улыбается сидеть одному на свидании. Это слишком жутко. Слишком мучительно.

Но официант уходит. Само собой, ведь у него полно других посетителей, которых надо обслужить. Патриция делает большой глоток из своего бокала и одергивает на себе платье, от чего ложбинка между грудями обнажается еще больше.

— Ну... расскажи мне что-нибудь о себе, — просит она. — Кто ты? Чем занимаешься?

Расмус нервно сглатывает, прежде чем ответить:

— Сложный вопрос. Эхм... не знаю, что тебе рассказывала обо мне Карина. Но мне сорок один год. Родился и вырос в Норртелье, но жил много где. И я музыкант. Точнее, *был* им. Несколько лет играл в музыкальной группе. И я обожаю кино, пиво, пиццу и...

Он запинается, заметив, что лицо Патриции внезапно омрачилось.

— Прости, я что-то не то сказал?

Она качает головой.

— Наверное, слишком много информации зараз. Извини. Я немного не привык к такому...

Патриция небрежным жестом отмахивается от его слов.

— Нет, ты не сказал ничего плохого, просто я... вспомнила Кристиана. Так глупо, прости.

— Тебе не нужно просить прощения.

Она поднимает на него полные слез глаза.

— Кристиан обожал пиццу. И мы часто готовили ее дома, сами. Правда, без глютена, у Кристиана была на него аллергия. Мы делали основу из цветной ка-

пусты, а потом каждый накладывал сверху что хотел. Мне нравилось с курицей, а ему — с саль... саль... саль...

Воспоминания накатывают на Патрицию так неожиданно, что она начинает заикаться.

— Саль... саль... саль...

— С салями?

Патриция кивает, и одинокая слеза скатывается по ее щеке. После чего она делает глубокий вдох через нос и большой глоток из своего бокала.

— Но сейчас мы не будем говорить о нем, — твердо произносит она. — Он превратился в историю. Которая осталась в прошлом! Последние полгода я каждый день думала о нем, представляешь? КАЖДЫЙ божий день. Каждый час, каждую минуту. О нем и его новой «женщине».

И она изображает в воздухе кавычки, намекая, что женщина, с которой сейчас имеет дело Кристиан, похожа, скорее, не на женщину. А, скажем, на баклажан.

— Она — японка, — поясняет Патриция и закатывает глаза. — Они познакомились на работе. Класс, правда? На конференции в Токио. Может, она и экономист, но шлюха тоже порядочная.

Расмус давится пивом и кашляет, чтобы отдышаться. Патриция внезапно смущается и, утерев пот со лба, одним махом осушает свой бокал.

— Прости, Кристиан...

— Расмус.

— Да, Расмус. Знаю, звучит гадко. Но я не гадкая, я даже начала практиковать медитативное дыхание. Вот так: ахххх, ахххххх...

И она принимается дышать шумно и с присвистом, как кузнечные мехи. Расмус не знает, куда деваться. Его так и подмывает вскочить и умчаться отсюда прочь.

— Иногда это помогает, — поясняет Патриция, — но чаще — нет. Как представлю их вместе... Клянусь, в такие моменты меня так и подмывает разmozжить ее японскую башку... О, спасибо большое!

Официант приносит бифштекс для Патриции и бургер для Расмуса, но, прежде чем он убегает, Патриция успевает заказать еще одну порцию джина с тоником.

При виде еды Расмус испытывает невероятное облегчение. Наконец-то хоть на чем-то еще можно сосредоточить свой взгляд, кроме женщины напротив, которая, по всему виду, сбежала из какого-нибудь жутко охраняемого заведения неподалеку.

— Мммм, — довольно тянет Патриция. — Как вкусно выглядит!

И она почти похотливо впивается глазами в жареный картофель на серебряной тарелке. После чего выуживает из сумочки сине-белый флакон с пульверизатором. Средство для дезинфекции рук.

— Хочешь? — предлагает она Расмусу.

— Нет, спасибо.

Патриция выдавливает на свои ладони изрядную порцию жидкости и принимается тщательно ее втирать, массируя каждый пальчик столь старательно, словно те серебряные и она полирует их перед угощением.

— Знаешь что, Кристиан?

На этот раз Расмус не исправляет ее. Ему надоело. Она слишком пьяна.